

HAPH CHAPH CHAPH CHAPH CHAPH

ЭДУАРД ВЕРКИН

КНИГА 1

ЧАГИНСК

INSPIRIA

**МОСКВА
2022**

СНАРК СНАРК СНАРК СНАРК СНАРК

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В32

Художественное оформление переплета
Константина Гусарева

Веркин, Эдуард Николаевич.

В32 снарк снарк. Книга 1. Чагинск / Эдуард Веркин. — Москва :
Эксмо, 2022. — 768 с.

ISBN 978-5-04-109927-5

Виктор — молодой писатель, прославившийся одним романом и вынужденный зарабатывать на жизнь заказными книгами для чиновников, — даже представить себе не может, чем обернется его командировка в маленький провинциальный Чагинск.

В лесу бесследно пропадают два местных мальчика. Поиски не дают ничего. Да и не особо ищут детей : среди болот, оврагов и мхов живо предание о Шушуне, который забирает себе человеческие подношения.

Виктор в компании с дуэями ищет реального преступника, но реален ли Шушун? Или он настолько растворен в пространстве, что может быть в каждом из обычных горожан?

«Чагинск» — первая книга дилогии. Об исчезновении, поисках и жертвах.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109927-5

© Веркин Э.Н., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Каменцевой Марии Алексеевне

*Семнадцатого мая
две тысячи девятого года
президент США Барак Обама
убил муху*

Глава 1

Незримый енк

– Мой дед вырезал «Калевалу» на рисовом зерне, – похвастался Хазин.

Второй роман так и не взлетел.

Когда восемь попыток первой главы были убраны в правый нижний угол рабочего стола в многозначительном сантиметре от корзины, я понял, что это от настоящего. Настоящее время должно смотрелось в «Пчелином хлебе» – особенно в экспозиции и в финале, оно изящно подламывало четвертую стену, сообщало тексту обязательную русскую глубину и напряженную европейскую округлость, шептало на ухо читателю, свойски подмигивало критику, рисовало между строками пространство и воздух, легкость; с зомби такие штуки не прокатывали.

Зомби категорически не желали действовать в настоящем, предпочитали прошедшее, иногда вынужденно смиряясь с будущим. Софья Романовна Спасская, ее бестолковая дочь Нюта, незадачливый, но уютный Нютин жених Савва с наивной признательностью впитывают ладонями тепло нагретых древним солнцем римских улиц, рассуждают об урожае девяносто шестого, ощущают на языке терпкие иглы бароло и одновременно упоительное сиротство в душе, они покорны умелой руке композитора; зомби же благодарны гораздо менее. Собственно, зомби вообще исключительно неблагодарны.

Чагинск, двенадцать тысяч жителей.

– Мой дед вырезал «Калевалу» на рисовом зерне, – повторил Хазин.

Пожалуй, врет, подумал я. Непременно врет. Рисовое зерно слишком мало, а «Калевала» все же объемная. На желуде, вероятно, можно.

– Почему именно «Калевалу»? – спросил я.

– Я же финн, – ответил Хазин.

У Чагинска нет даты основания. Краеведы, ссылаясь на раскопки стоянки «Ингирь-2», однозначно сходятся на уверенном домонголе, хотя в письменных источниках о поселении никакого упоминания найти не удалось, в годы же подъема Княжьего Погоста и Галича Мерьского удел сей был дик, безначален и пуст.

На картах Шуберта отмечено урочище Чаги, это первая половина девятнадцатого века. Тогда здесь располагались пост лесничего, будка смотрителя переправы, ямы дегтеваров и углежогов.

– Он начал работать на просяном зерне, но в процессе ослеп, – сказал Хазин. – Поэтому на рисовом. Оно хранится в музее Сольвычегодска, там отличный зал миниатюристики.

Врет, окончательно убедился я. Хазин неплохо врет, однако в музее Сольвычегодска нет отдела миниатюристики, я знаю.

На атласе Ильина обозначено уже село Чагино, а в записках путешественника Ухтомского, датируемых царствованием Александра Третьего, упоминаются церковь в этом селе, водонапорная башня при вокзале, грузовой двор и концессионная лесопилка.

В тысяча девятьсот восемнадцатом, когда Ярославль, Рыбинск и некоторые ходы Северных железных дорог оказались в очаге антибольшевистского мятежа, в Чагинске формировалась рота революционных путейцев и заседал Исполнительный комитет, в честь него впоследствии назвали новый постоянный мост через Ингирь, а в честь командира революционных железнодорожников Павла Любимова – улицу.

– Жарко, – заметил я.

В годы войны в Чагинске работал крупный оборонный завод и размещался лагерь военнопленных.

Хазин проверил пальцами подмышки, под правую сунул половинку газеты, прижал.

– Юморист Сергей Остапенко во время гастролей в Ростове поспорил с организаторами и в знак протеста справил большую нужду в раковину гостиницы, – прочитал Хазин из второй половины газеты.

– Неплохо, – согласился я.

Статус города присвоен в тысяча девятьсот пятьдесят третьем в связи с увеличением населения и в ознаменование военных заслуг.

– В Саранске местные сатанисты собирались инфильтроваться в областное Управление внутренних дел, – сообщил Хазин.

– Зачем? – не понял я.

– Не написано... Лично я склоняюсь...

Хазин задумался, достал из-под мышки газету, брезгливо скомкал, чуть подергивая носом.

– Думаю, это идиотократия. Я, кстати, знал одну сатанистку.

В семьдесят шестом Чагинск стал третьим по численности городом области.

Хватило страницы блокнота: на первое время информации достаточно, даже больше, чем требуется, я подчеркнул революционных путейцев и мост им. РИКа, обвел змейкой сторожку дегтеваров.

– В сущности, все идиоты, – сказал Хазин, отбросив газету на обочину. – Это факт, с которым не поспоришь, иначе нельзя. Тут действительно была избушка углежогов?

– Дегтеваров, – поправил я. – Или дегтярей. Углежог южнее, здесь дегтяри, здесь береза. Деготь делают из березы. Ты вообще знаешь, что такое деготь, Хазин?

– Деготь помогает... – Хазин понюхал пальцы. – Вроде бы от наружных болезней... А чага от внутренних... Тебе не кажется, что у дотторе Крыкофф кожные болезни? Он чешется все время, оглядывается, отряхивается как...

Хазин сбился, я не удержался и, секунду подумав, добавил:

– Как енот. Енот из контактного зоопарка имени Карла Линнея.

Хазин принял подачу:

– Утконос из бесконтактного зоопарка имени Карла Густава Юнга.

В принципе, неплохо, но не стоит усугублять, жарко, не надо форсировать, лучше попридержаться, и добавил:

– Шелудивых в Валгаллу не имут.

– Да, Крыкову помог бы деготь, – не услышал Хазин.

Он открыл кофр, задумчиво разглядывал и перебирал тяжелые объективы.

– Но местные дегтевары уже давно не те. – Хазин примерил на байонет широкий угол. – Я обошел центральные магазины – и нигде нет ни дегтя, ни вазелина, ни туфель с квадратными каблуками. Ты уверен?

– Да, думаю, здесь все-таки был центр дегтеварения, – сказал я. – Чагинский деготь славился в России и за ее пределами. Его экспортировали во Францию, сорок тысяч ведер ежегодно. Он получил вторую золотую медаль на Парижской выставке в номинации «Лучший креозот, олифа и деготь»...

– Погоди, запишу, – перебил Хазин, старомодно подышал на карандаш. – Лучший деготь в центральных губерниях производился именно в Чагинске... Ручку надо купить...

– Кто, кстати, изобрел деготь?

– В каком смысле? – теперь Хазин перебирал светофильтры.

Смотрел через них на меня: синий, желтый, антиблик.

– Ну кто конкретно принес его людям? – уточнил Хазин. – Прометей – огонь, Фарадей – электричество, а Бенардос – электросварку, братья Люмьер – кинематограф, а деготь? Кто придумал деготь?

С Бенардосом в прошлом году было легче, богатой судьбы человек.

Хазин сложил губы хоботком – чтобы получился сухой выдох, – сдул с холодного синего фильтра пылинку.

– Думаю, у дегтя безымянный изобретатель, – сказал он. – Джон До. Кузьма Кузьбожев. Безымянный изобретатель, но... Чагинский деготь отличался повышенными эксплуатационными качествами. А?

– Возможно, – согласился я.

– Несомненно... Слушай, а возможно, чтобы деготь изобрел наш Чичагин?

– Вряд ли, – сказал я. – Он все-таки адмирал. Ученый, культуртрегер, а деготь – это народная сила... Хотя...

Ломоносов умел и в рифму, и в закон Ломоносова–Лавуазье.

– Он мог его популяризировать, – сказал я. – Он же адмирал был. Наверняка этим дегтем пропитывались борта фрегатов, одержавших ту самую победу над шведами... или лучше над турками?

– ...Адмирал Чичагин – владыка дегтя... – записал в блокнот Хазин.

– Вычеркни, – посоветовал я. – Повелитель дегтя – это смешно, Хазин.

– Какая разница? Эти книги все равно никто не читает. Главное, чтоб под обложкой была фотография Механошина. А адмирал Чичагин, деготь, ерши... Всем на это плевать.

Хазин прав, плевать. И добровольно никто не читает. Дарят библиотекам и почетным гостям вместе с магнитиком, ежедневником и кружкой. А почетные гости забывают в автобусах, в аэропортах и на вокзалах. Такова незавидная участь локфика.

– Витя, в прошлый раз ты написал, что основателем Княж-Погоста был внебрачный сын Андрея Боголюбского, – сказал Хазин. – Никто и не заметил.

– Ну, теоретически...

Я попытался вспомнить историю, но вспомнил только то, что у Андрея Боголюбского имелись проблемы с позвоночником, что он отличался неукротимостью в мечевом бою, что, судя по его архитектурам, тяготел к прекрасному. Росту же был ниже среднего.

– Все-таки лишнего лучше не городить, – заметил я. – Здесь не тот случай.

Незавидная, но великая участь.

Хазин отмахнулся.

– Случай всегда тот, – сказал он. – Всегда. Вить, чего ты дергаешься-то? Материал кое-какой есть, городок вроде симпатичный – считай, полдела сделано.

Полдела да. Текст, правда, не идет, но это в локфике случается.

– Или это... – Хазин ухмыльнулся. – Старые раны болят? Дым отечества?

– Не болят, – ответил я. – И не дым. Поехали лучше.

Хазин повесил камеру на бок, завел двигатель, «шестерка», скрипя, двинулась по Типографской.

– Надо работать по обычной схеме, – рассуждал Хазин. – От славного прошлого к славному будущему. От дегтя к предприятию «Музлесдревк», от старой водокачки к новой водокачке. И не забываем ершей!

Хазин указал на плакат с гербом, украшающий стену типографии. Ерш на плакате выглядел весьма себе рококо. А Хазин пребывал в хорошем настроении.

– Мне кажется, что роль ерша у нас недооценена, – рассуждал он. – Собственно, вспоминается «Сказ о Ерше Ершовиче», ну и еще что-то там... А зря. С ершом можно в принципе работать. Хотя наш народ, конечно, больше любит мышь.

– Наш народ любит мышь? – удивился я.

– В широком смысле да. – Хазин притормозил, сделал несколько снимков холодным фильтром: гостиница, сбербанк, «Хозтовары», «Парикмахерская». – В том же противостоянии мыши и кота народ отождествляет себя, безусловно, с мышью. Мышь – это маленький человек, Акакий Акакиевич. Кот же – стихия насилия, власть, империум, погром. И народ едет в тот же Мышкин и с вызовом покупает красную глиняную свистульку, потому что народ – стихийный бунтовщик. Читай Пушкина, там про заячий тулуп и мосье Швабрина.

Уолт Дисней, подумал я. Швабрин, кажется, сволочь, после обеда Хазин, случается, утомителен.

– Тогда покровитель Мышкина – Уолт Дисней? – спросил я. Хазин задумался, проверил вспышку, двинулся дальше.

– Надо, кстати, подкинуть им идею, – рассуждал Хазин, руля. – Пусть мышкинская мэрия бьет челом в «Маус Хаус», как там... «не растекаясь мышью по древу, вычерпнет Дон своими шеломами...».

Я с сомнением хмыкнул.

– Только не говори, что по древу можно растекаться мышью, – сказал Хазин.

– Но и мышью тоже растекаться нельзя, – возразил я.

– Мышью как раз можно. Знаешь, есть такие лесные древесные мыши, мелкие, но чрезвычайно шустрые, меня такая в детстве укусила... Мышь, короче. Слушай, я понял! В русской культуре нет сказок про мышей!

– И что?

Заныли зубы и голова. Хазин не унимался.

– И вот почему. Мышь – безусловный носитель протестантской парадигмы, – вывел Хазин. – Несколько отстраненный элемент, чуждый. Мышь крадется вдоль стен и крадет зерно, мышь распространяет инфекции, мышь грызет проводку бомбардировщика «Максим Горький», мышь – безусловное зло. Но нам почему-то многие годы внедряли ее позитивный образ...

– Хазин, – попросил я. – Ты противоречишь сам себе.

Нет, он не унимался:

– Ерш напротив – явный государственный, он выступает прямо и гордо, с открытым забралом! Я думаю, нам надо это подчеркнуть!

– Не надо, Хазин, – попросил я. – Не надо.

– Почему?!

– Ты же не знаешь, кто на самом деле книгу заказывал, да? А может, ее протестанты заказывали?

– Это Механошин-то протестант?! Ты его рожу видел?

Хазин наблюдателен.

– Механошин, может, и не протестант. Но вряд ли книгу заказывал именно он.

– Думаешь, Светлов? – тут же зацепился Хазин.

Я промолчал. Теоретически мог и Светлов.

– Ладно, – согласился Хазин. – Но я бы на твоём месте об этом подумал...

– А как быть с чагой? – спросил я.

– Чага – второй камень, на котором зиждется здание чягинской истории. Здешняя чага – самая лучшая. Чага от чего, кстати?

– От всего, – сказал я.

– Я так и знал.

Хазин попилил ногтем зуб и добавил:

– Тут у них День города скоро.
– И что?
– Может, я свалю, а? Домой сметаюсь на денек. Сам знаешь, я эти карнавалы не очень...
– Надо будет поснимать, – возразил я. – Для книги может пригодиться.

– Поснимай сам, Вить, это не сложно, знай дави на кнопку!
– Не, я один отдуваться не собираюсь.

Хазин принял к обочине и затормозил, скептически сфотографировал нарисованную женщину в окне «Парикмахерской».

– Твой дед вырезал «Калевалу» на рисовом зерне, а ты соскочить хочешь?

– Буквально на три дня! Витя! Устал, честно! Носимся как бобики же...

Я с Хазиным был отчасти согласен, проект разворачивался сумбурно и бестолково, но с Крыковым всегда так. Много пафоса, беготни, нелепых скачек и диких идей, но результат, как правило, вполне.

– Мне несколько непонятно, куда качать? Куда мессир Крыков ведет нашу плоскодонку?

– Хазин, не мельтеши, – посоветовал я. – Собирай материал. За тобой фото, за мной текст, все просто.

Мы сидели в машине на углу Типографской и Любимова под шелудивой акацией, в пестрой тени, в масляном запахе желтых цветов. В восемь лет я нарвал таких кружку с горкой и съел, зачем – не вспомнил, кажется, на спор с Федькой, потом меня тошнило рыжим.

Типографская зарастала, сирень разошлась вдоль заборов, подъела тропки и подбиралась к асфальту, хлопала проезжающие машины кистями, но не пахла – год акации. Мне нравилось это место. Раньше здесь стоял ларек, в нем принимали стеклотару и продавали лимонад, сейчас пустырь. То есть плешак, засыпанный кочегарным шлаком. Удобно сидеть и смотреть: по Центральной едут в мэрию, по Любимова за РИКовский мост.

– Думаю, надо качать от обороны, – предложил я. – Наш сабж – один из символов обороны страны, а здесь, в Чагинске,

работал снарядный завод. Здесь реально ковалось оружие победы. Без сомнения, это неслучайно. Можно сказать...

Я потер виски: с ходу не придумывалось, чертов Хазин инфицировал голову «Калевой» на рисовом зерне, я пытался отогнать этот образ и мысль: на каком именно – длиннозерном или кубанском?

– Можно... Здесь, кстати, до сих пор военные склады расположены, там, на другой стороне.

– База?

– Да какая база, старье всякое догнивает. Если...

– А если им новый герб предложить?! – вдохновился вдруг Хазин. – Вот так, примерно...

Хазин быстренько набросал в блокноте макет.

Озорная рыбка, похожая на ерша. Над рыбкой выпуклый холм и город на нем. Над холмом боевая перчатка.

– Как?

– Надо еще поработать, – посоветовал я. – С одной стороны перчатка словно пытается сграбастать город, а с другой – будто показывает зрителю дулю.

– С перчатками вообще сложно, – заметил Хазин.

– Работать надо. И почему именно рыба в центре? Где чага, где шестеренка?

– Чагинск – столица русского ерша, – сказал Хазин. – Так говорил... Аксаков?

– Сабанеев, скорее. «Столица ерша», кстати, двусмысленно. А нам надо, чтобы без возможных толкований. И зачем нам ерш, мы ведь договорились – столица чаги. Это исторически верно.

– И про ерша верно, – возразил Хазин. – Здесь водились самые крупные и жирные ерши.

– Но город-то Чагинск?!

– Что-то я запутался, – поморщился Хазин. – Предлагаю на сегодня закругляться.

– Согласен. Надо зайти... Бросить взгляд. Не побоюсь этого слова, простереть.

Я, в принципе, был весьма не против простереть – на утренней летучке Крыков сдержал слово и выплатил аванс.

Мы поехали в десятый, остаток дня сильно сократился.

Через четыре часа я сидел в номере безымянной гостиницы на втором этаже и швырялся в окно закисшей черешней, целясь в машину Крыкова. Хазин пытался делать вид, что работает – фотографирует сумерки над Ингирем, мультяшные силуэты железнодорожных кранов над грузовым двором, редких прохожих и собак. Крыков на крыльце первого этажа брэнчал на гитаре и рассказывал барышням анекдоты. Я старался не думать.

Когда черешня кончилась, я вернулся в номер и попробовал спать. Я почти справился, но за полшага до рэм-фазы дернул ногой, уперся лбом в стену номера, зашпатлеванную рыхлой известкой, чихнул, втянул пыльный воздух и дальше чихал долго, растирая нос и глаза; остановился, задержав дыхание. Начал отсчет. На семидесятом в дверь начали стучать, я открыл. Явился сам Крыков.

– Не плачь, малыш, грозы не будет, – сказал он.

Крыков вошел в номер, уселся на пустую койку.

– Получается дерьмо, тебе не кажется? – спросил Крыков. Я уклончиво не ответил.

Крыкова сегодня не полюбили смешливые барышни, и он пребывал в некоторой тоске, жаловался на местную дичь и на уroda, закидавшего его машину тухлым компотом, и на то, что жадность, безусловно, порок; если бы не жадность, он сейчас отдыхал бы себе в Тунисе, а не блуждал в этих пустынях как пес и лошара, а тут, между прочим, странная атмосфера, на первом этаже магазин «Мотоблок и дрель», косметический салон, зубной кабинет «Пульпитто» и похоронный центр «Николай», у Крыкова скверные предчувствия.

– Да нет, не чувствую, – возразил я.

– Нашим проектом заинтересовались, – сказал Крыков, скрипя пружинами.

– В области?

Крыков помотал головой.

– Это плохо, – он закурил. – Я не люблю так работать, не люблю... Возможно, подготовку стоит форсировать.

– А кто именно заинтересовался? – осторожно спросил я.

– Вы были в музее? – не ответил Крыков.

- Нет пока. Полагаю, не стоит форсировать...
- Завтра посетите, – перебил Крыков. – Там много интересного... Форсировать... может, и форсировать. Да, праздник – это главное, но и книга нужна... Ах, Витя, в местной администрации одни неразбавленные идиоты...

Крыков жаловался полчаса, выпил всю воду из графина, надымил и удалился, напомнив, что завтра совещание у мэра и мы должны предъявить хоть какой-то результат.

Из-за Крыкова и известки я не смог успокоиться, пришлось запустить ноутбук и править первую главу «Чагинск в VIII–X вв.», стоянка «Ингирь-2», шнуровая керамика, твердый домонгол; смотреть клипы, ожидая, пока не закиснут глаза. Это помогло, около двенадцати удалось уснуть.

Проснулся я поздно и в неожиданно хорошем настроении, что мне понравилось не очень, в сумерках известка и Крыков, а утро вдруг вечера мудренее и в холодильнике бутылка минералки.

Я открыл минералку. Хорошее настроение с утра – дурной знак. Настроение, утро и солнце, желание поработать – определенно стоило быть осторожным, основательно призадуматься. Опыт утверждал, что просыпаться стоит с отвращением, заканчивать день безнадегой, а жизнь от утра до обеда совершать кое-как. Особенно работать. Спустия рукава, из-под палки, в лес не убежит, дураков любит, я давно заметил – если работа начинала приносить хоть некоторое, пусть самое небольшое удовольствие, она тут же заканчивалась. Так что к хорошему настроению я отнесся без энтузиазма.

Ситуацию несколько скрашивал хозяин магазина «Мотоблок и дрель», с утра у него были покупатели и на первое и на второе, и он демонстрировал достоинства своих приборов во дворе. Мотоблок стрекотал, дрель визжала, я чистил зубы. За две недели, что мы прожили в гостинице, ни утра без дрели, бензопилы, мотоблока и триммера не обходилось. Дела в магазине явно шли хорошо, народ запасался инструментом, я сам стал раздумывать, не купить ли какой-нибудь инструмент или прибор? Мне нравились сварочные аппараты, они походили на де-

корации фантастических фильмов из детства; кроме того, сварочный аппарат мог пригодиться в хозяйстве.

Я закончил туалет, налил воду в литровую банку, запустил в нее кипятильник и стал стучать о край стола слежавшимся кофейным брикетом. Заметил записку под дверь.

Хазин сообщал, что он проснулся рано и отправился в библиотеку, и там будет ждать, надо же и поработать немного. С последним я согласился, поработать пора; я размягчил кофе, набрал полгорсти, засыпал в банку.

Сам кофе дрянной, а вода, напротив, хорошая: бурда на выходе получалась не безнадежной, по утрам мне с обреченностью казалось, что я начал к ней привыкать.

Я дождался, пока кофе заварится, добавил сухих сливок, размешал.

– Работа и труд рядом идут, – сказал я. – Труд кормит, лень портит.

Я устроился на подоконнике, стал пить кофе, перехватывая горячую банку то левой, то правой.

Улица Центральная. Через дорогу сутулый дядька прилаживал к стене Дома быта новую вывеску – «Чагинск-Ренессанс».

«Чагинск-Ренессанс» принимает от населения клюкву, грибы сушеные и свежие, живицу сосновую, волосы, ногти майора, кожу майора, уши пробойные, печень маркшейдера, сейчас проедет синий «Иж-4», за рулем мужик в шлеме мехвода и толстая баба с корзиной в люльке, раз, два, три...

Проехал серый «Иж-3» без бабы.

Я с сожалением отметил, что стал неплохо разбираться в маленьких городках, в клубах, Домах быта, повадках жителей, в архитектуре общественных мест.

– Утром труд – в обед унштрут, – сказал я, вышел из номера, спустился на первый этаж.

В холле гостиницы пахло бензином из магазина инструментов и мокрыми волосами из парикмахерской; парикмахерша Алена предлагала мойку головы за пять рублей, маникюр за двадцать, модельную стрижку за пятьдесят – я третье утро подумывал сделать стрижку за пятьдесят. И сварочный аппарат непременно. Алена ничего так. В будке администрации никого.

На крыльце гостиницы курил хозяин «Мотоблока и дрели», на перилах лежала аккуратная компактная бензопила, лезвие было перепачкано зеленью.

Мотоблоков, подумал я. Я встречал Батарейкина, Отверткина, Велосипедова, почему бы не быть фамилии Мотоблоков?

– Ну что, когда объект сдадите? – спросил Мотоблоков.

– В пятом году планируем, – ответил я. – Триффида разделал?

Я указал на лезвие пилы.

– Да так, слегонца... Слушай, а правда, что самолетный завод будет?

Я потрогал зеленую кашу на пиле.

– Да, – сказал я. – Самолетный. Развиваем малую авиацию.

– «Кукурузники», что ли? – усмехнулся Мотоблоков.

– «Сессна», – поправил я. – По лицензии будем строить.

– Да кому они нужны-то?

Триффид пах укропом.

– На экспорт, – ответил я. – В Америке каждый пятидесятый водитель имеет авиационные права. Это перспективно, за этим будущее.

Я спустился по ступеням и направился в сторону библиотеки.

– Я тоже в Москве работал, – посочувствовал вслед Мотоблоков.

Сварочный аппарат – неплохая идея, но в жизни есть место и болторезу.

Библиотека от гостиницы в двух кварталах, я успел допить кофе, взболтать гущу, заглянуть на дно и убедиться, что будущее по-прежнему туманно. Успел встретить пожарного, записать в блокнот идею и вырвать листок, встретить еще одного пожарного, успел подумать про отпуск; под окнами библиотеки желтела хазинская «шестерка».

Я вошел в библиотеку. Здесь было по-летнему пусто и, как в садике, пахло манной кашей.

– Здравствуйте!

Никто не ответил, я поднялся на второй этаж и толкнул дверь с табличкой «Справочная литература».

Хазин нервно раскачивался на железном стуле, читал. На соседнем стуле лежала «История Северной Руси», пожелтевшая, я помнил, третий курс, пересдача. Сел в кресло у подоконника и стал читать брошюру про местные целебные ресурсы: эндемичные травы, реликтовую кембрийскую грязь и минеральную воду – в шестидесятые здесь собирались возродить бальнеологический курорт.

Иногда Хазин отрывался от своей брошюры и смотрел в окно, щурился, нельзя было понять, думает он или делает вид. Я прочитал про голубые глины и сказал:

– Крыков вчера скользил.

– Крыков и мне не нравится, – ответил Хазин. – Он явный стукач и сука.

– Да... А кто не стукач?

Хазин промолчал.

– В библиотеке, кажется, никого нет, – заметил я.

Хазин сорвался:

– В некоторых библиотеках посетителей много, в других их нет вовсе. В некоторых библиотеках есть отдел «Справочной литературы», в других он совмещен с отделом прессы. В одних имеется «Библиотечка агронома», в других она отсутствует. Бывает, библиотеки выкрашены в зеленый цвет, бывает, обшиты сайдингом. Отдельными библиотеками заведуют грузные тетki, другими целеустремленные девушки. Бывает, библиотеки расположены в клубах, бывает, в пятиэтажках...

Склонность Хазина к логорее есть крайне полезное качество в создании локфиков про славное прошлое и кипучее настоящее малых городов Нечерноземья. Если со мной приключался жесткий райтер-блок, я спускал с поводка Хазина, и тот на шоколаде и энергетиках легко вытягивал две-три главы. Впрочем, случалось, что Хазин болтал интересно: как каждый хороший фотограф, Хазин умел замечать. Например, он сразу сказал, что железный стул аптечного происхождения – инвентарный номер и загадочный штамп ГЗО, и если принюхаться к спинке, слышен спирт и аспирин, а кресло, видимо, почтовое.

– ...Есть библиотеки, которые посещал Гайдар, но больше тех, где он не бывал ни разу. Есть библиотеки с печным отопле-